

И.С. Беляев

**Следственное дело об
убиении Дмитрия Царевича в
Угличе 15 мая 1591 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И.С. Беляев
И11 Следственное дело об убийении Дмитрия Царевича в Угличе 15 мая 1591 года / И.С. Беляев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-05438-6

Обратиться к материалам Следственного дела об убийении царевича Дмитрия ученого-архивиста И.С. Беляева побудила публикация вновь открытой рукописи духовного завещания одного из основных фигурантов дела Андрея Александровича Нагого, в котором имеется однозначное указание на то, что царевич был убит: «...у меня конь был и взяли его с моим животом в опале на Государя на Угличе, как царевича Дмитрея убили» (Московский Архив Министерства Юстиции. Грамота Кол. Экономии по Новоторжскому уезду № 12-8440). Автор проводит палеографический анализ сохранившейся рукописи Угличского следственного дела, обнаруживает в нем следы многочисленных подтасовок и спорит о деталях подлинного хода событий с Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым. В издании содержится полный алфавитный список всех свидетелей дела. «...лиц, оставивших свои имена в следственном деле, насчитываем 152 человека, не прибавляя тех, которые встречались без собственных имен. Если из общего числа исключим следователей, самого царевича Дмитрия, царя Федора Иоанновича, убитых и других людей, о которых говорится или вскользь, или которые не делают идущих к делу пояснений, всего 58 человек, то число лиц, давших показания о смерти Дмитрия будет равно 94. Из этих 94 только один стряпчий Семейка Юдин говорит, что сам видел, как накололся царевич...»

ISBN 978-5-458-05438-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Слѣдственное дѣло объ убіеніи въ Угличѣ 15 мая 1591 года Дмитрія царевича хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Оно напечатано: а) во 2 части „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ (М. 1819 г.) и б) въ приложеніи къ сборнику статей А. С. Суворина „о Дмитріи самозванцѣ“ (Спб. 1906 г.). Содержаніе дѣла обсуждалось многими изслѣдователями, но съ палеографической стороны оно до сихъ поръ разсматриваемо не было, если не считать маленькой и бѣглой замѣтки къ послѣднему Суворинскому изданію. Настоящей статьѣ имѣется въ виду пополнить этотъ пробѣлъ и познакомить съ новооткрытомъ завѣщаніемъ одного изъ участниковъ дѣла А. А. Нагого 1617 года, при чемъ къ дѣлу составленъ алфавитный указатель, дающій возможность точно подсчитать показанія всѣхъ свидѣтелей по группамъ.

Передъ нами узкая, высокая тетрадка въ бумажномъ зеленомъ переплетѣ, весьма тоненькая, заключающая „въ себѣ“ 51 вплетенныхъ узкихъ же листковъ, или страницъ, такъ какъ на оборотѣ, кромѣ подписей, бумага чистая, то во всю длину переплета—до $\frac{3}{4}$ аршина, то очень маленькихъ не болѣе $\frac{1}{4}$ въ вышину; листки въ свою очередь состоятъ или изъ одной цѣлой склейки, или изъ двухъ, различныхъ по величинѣ. Общее же число склеекъ, находящихся въ листкахъ, равняется 62, расположеннымъ въ такомъ видѣ: на 1 страницѣ 2 склейки, на 2 также 2, на 4, 10, 16, 17, 29, 38, 41, 46 и 50 по 2 склейки, итого двойныхъ 11 страницъ, въ нихъ 22 склейки, а остальные 40 страницъ по одной склейкѣ¹⁾. Листки въ свое время несомнѣнно заключались въ одномъ *кругломъ* столбцѣ, доказательствомъ чего служатъ какъ самая форма листковъ (узкихъ и длинныхъ, употреблявшихся для этой цѣли), такъ и стремленіе ихъ принять прежнюю круглую форму. У Карамзина есть указаніе, что дѣло находилось въ столбцѣ, когда Шуйскій вернулся изъ Углича со слѣдствія съ товарищами и представилъ допросы, Царь же отослалъ ихъ къ „Патріарху и святителямъ, которые велѣли

¹⁾ Обратная сторона первой склейки (отрывокъ вопроса Ракова) оильно залашена, какъ будто она служила оберткой всему дѣлу, носившемуся кѣмъ-то долгое время въ карманѣ; могла эта склейка закоптиться и отъ дыма во время Московскихъ пожаровъ (что по словамъ С. А. Бѣлокурога встрѣчается и на другихъ архивныхъ документахъ).

въ общей думѣ съ боярами сей *свитокъ* читать знатному дьяку Василью Щелкалову“ („Исторія госуд. Росс.“, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 81).

Всѣ листки, составляющіе дѣло, *въ 17-мъ столѣтїи не были перемѣнены*, потому что нумерація на нихъ позднѣйшая—цифровая; дѣло не имѣетъ ни начала, ни конца, *главное же—оно перебито* по внутренней связи. Постараемся выяснитъ, случайный ли былъ этотъ безпорядокъ, или же онъ сознательно подтасованъ. Последнее заключеніе, въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, вѣроятнѣе.

Какъ извѣстно, послѣ убїенїя царевича Димитрія, въ теченіе какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ, въ Россїи перемѣнился дѣлѣй рядъ царствованїй: Ѳеодора Иоанновича, Годунова, Лжедмитрія, Шуйскаго и наконецъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Почти всѣ они имѣли съ слѣдственнымъ дѣломъ живую, *близкую* связь и считать ихъ безпристрастными къ нему нельзя.

Вскорѣ по окончанїи слѣдствїя, произведеннаго Шуйскимъ объ убїенїи Димитрія царевича, Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, по слушанїи дѣла, приказалъ боярамъ идти съ нимъ къ Патріарху и всему освященному собору; „бояре, пришедъ къ Патріарху, велѣли дьяку Василью Щелкалову Углетцкое дѣло *на соборъ честь*“ („Собр. госуд. грам. и дог.“ т. II, стр. 121). „И патріархъ Іевъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, *слушавъ Углетцкого дѣла* и сказку митрополита Галасѣи, говорилъ... передъ государемъ Михаила и Григорья Нагихъ и Углетцкихъ посадцкихъ людей *измѣна явная*“ (тамъ же стр. 122).

Спрашивается, могли ли такіе *дѣльцы*, какъ Шуйскій, Клешнинъ и Вылузгинъ допустить *публично* читать на соборѣ дѣло въ такомъ *перебитомъ* видѣ, въ какомъ оно теперь находится предъ нашими глазами, могли ли они допустить чтеніе, напримѣръ, такого мѣста дѣла (по печатному тексту): „Да князь Василей же и Ондрѣй и Елизарей велѣли поставити передъ собою вдову Василису *Вологову и жильцовъ*... и спрашивали *Василисы* и жильцовъ: которымъ обычаемъ царевичю Дмитрею смерть случилась?“ (тамъ же стр. 104)—и вслѣдъ затѣмъ читать слѣдующую сѣлейку, какъ идетъ въ подлинникѣ слѣдственного дѣла и какъ напечатано въ изданїи 1819 года: „А *Бориско Овонасевъ* человекъ Нагово въ роспросе сказалъ“...; потомъ читать еще слѣдующую: „и *Григорей Ѳеодоровъ сынъ Нагово* в роспросе сказалъ“...; могли ли, послѣ поставленнаго вопроса Василисѣ Волоховой, читать далѣе челобитную (или вѣрнѣе ея отрывокъ) отъ какого-то неизвѣстнаго, начало которой въ дошедшемъ до насъ подлинномъ дѣлѣ оборвано, и которая начинается словами „Михаилу Нагово разговаривати“... (стр. 106), читать потомъ показанїе Спасскаго соборнаго священника Степана, а уже послѣ цѣлыхъ 5-ти листовъ совсѣмъ другого содержанїя, *послѣ всего* того отвѣтитъ на вопросъ: „И вдова Василиса Волохова в роспросе сказала“...?! Трудно допустить, затѣмъ, чтобъ у такихъ опытныхъ дѣльцовъ допросы при слѣдствїи безъ какой-либо связи *перемѣшивались* съ челобитными, какъ напримѣръ *челобитныя*: неизвѣстнаго *между* по-

казаніями Григорія Нагого и Васиисинимъ, „Углетцкихъ разсылни-ковъ“ (стр. 118) *между* показаніями поваровъ, хлѣбниковъ, городчанъ пососныхъ людей и посадского человѣки Истомки Батусова. Зная какъ вообще въ старину и въ особенности въ XVI в. цѣнили и осто-рожно берегли всякую дѣловую бумагу, или актъ, какъ ревниво отно-сились къ выполненію *формъ* въ ихъ производствѣ, тщательно соблю-дая во всемъ сложившійся опытомъ порядокъ, мы вправѣ сказать, что въ 1591 г. слѣдственное дѣло не могло быть въ такомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ и напечатано. Тогда его порядокъ склеекъ, а можетъ быть даже и составъ ихъ, былъ безъ сомнѣнія другой.

Только предпославъ эти соображенія, навѣянныя просмотромъ подлиннаго дѣла, можно вполне допустить, что всѣ пристрастные къ этому дѣлу правители вертѣли его въ своихъ интересахъ въ ту или иную сторону; затрудненій особенныхъ не представлялось: *дѣло было не перенумеровано, склейки можно сдѣлать и больше и меньше, или совсѣмъ замѣнить другими, тѣмъ болѣе, что на многихъ показаніяхъ, даже такомъ важномъ, какъ Михаила Нагого, подлинность котораго въ дѣлѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ весьма подозрительна, нѣтъ соб-ственноручнаго рукоприкладства.*

Начнемъ съ Годунова. Кто же ему мѣшалъ, спрашиваемъ мы, *при-казать* дяку Вылузгину, по приѣздѣ слѣдователей изъ Углича въ Москву, неудобныя склейки вынуть, а на ихъ мѣста вклеить другія, болѣе удо-летворяющія тому, что желали отъ нихъ видѣть. Вѣдь мѣсто дѣйствія, гдѣ произошло убіеніе царевича, далеко, лицъ бывшихъ тамъ и въ то-же время *безпристрастныхъ*, въ Москвѣ нѣтъ, бояться во время чте-нія дѣла на соборѣ некого. Самый же столбецъ, заключающій слѣдствие, съ виднѣющимися кое-гдѣ рукоприкладствами, для бѣглаго *внѣшняго* осмотра представлялся надежнымъ, а для внимательнаго его изученія, рас-капыванія и вновь свертыванія нужны были часы времени, на что охотники на соборѣ едва ли могли найтись. Бумага чистая, склейки какой угодно вели-чины подъ руками, предметъ этотъ нѣмъ, не выдастъ душевныхъ ощу-щеній писавшаго; основной же почеркъ слѣдственнаго дѣла, которымъ написана его значительная часть, принадлежитъ или дяку Вылуз-гину, или близко къ нему подходить, стало быть въ то еще время при Царѣ Феодорѣ, до „освященнаго собора“, была возможна какая угодно перетасовка дѣла.

Царствованіе Годунова окончилось, на престолъ всходитъ Лжеди-митрій, лицо *заинтересованное* и главное въ дѣлѣ. Естественно допу-стить, что у него могло явиться желаніе посмотреть дѣло. Спрашиваетъ его. Смотрить: на первыхъ листкахъ попадаетъ показаніе Михаила Нагого, *его дяди*, и въ этомъ показаніи говорится, что его, царевича, *зарѣзали*. Лжедимитрій могъ конечно посмѣяться и сказать: „Какъ ви-дите, я живъ: какъ же могли меня зарѣзать? Вотъ до чего довели дя-дюшку, злодѣи, до какой грубой неправды; не мѣсто здѣсь такому под-дѣльному показанію!“ И вырываетъ или рветъ склейку, оставляя въ то-

же время нетронутыми тѣ листки дѣла, гдѣ говорится, что онъ въ тычку накололся, уничтожая первое, невыгодное для него по сущности показаніа и по близкому къ нему родству свидѣтеля, и оставляя послѣднее, имѣющее мало правдоподобія.

Лжедмитрій свергнуть; на престолѣ Шуйскій, дѣятель *болѣе другихъ посвященный* во всѣ тайники слѣдственнаго дѣла, имъ руководившій. Для поддержанія и укрѣпленія своего на царствѣ Шуйскому нужно болѣе свидѣтельство, что Дмитрія *нѣтъ* на свѣтѣ. Помимо принятыхъ имъ для этого мѣръ: грамоты царицы Марѣы, матери убиеннаго царевича, перенесенія мощей его изъ Углича въ Москву, Шуйскому несомнѣнно было нужно возобновить и слѣдственное дѣло, можетъ быть нарушенное Самозванцемъ, возобновить *съ томъ видѣмъ*, въ какомъ оно было составлено *имъ самимъ* при Годуновѣ, а здѣсь на первомъ планѣ должно быть показаніе Михаила Нагого, что царевича *зарѣзали* (что слѣдовательно *только* въ этомъ случаѣ онъ Святой, угодникъ Божій). Шуйскому къ подобнымъ ловкимъ дѣламъ было не привыкать: не даромъ въ народѣ за хитрость его считали волхвомъ; есть указаніе, что въ его царствованіе, при появленіи слуха о второмъ Самозванцѣ, „привыкали *всѣхъ дяковоѣ, сличали* ихъ руки съ подметными письмами“ (Карамзинъ, т. XII, стр. 18). Конечно это сличеніе дѣлалось съ вѣдома царя, а быть можетъ и съ его приказанія. Если въ слѣдственномъ дѣлѣ во время царствованія Шуйскаго не было на лицо показанія *Михаила Нагого*, то его можно было вновь приклеить; возможно, что Вылузгинъ былъ еще живъ, могъ недостающее сдѣлать онъ, въ другомъ же случаѣ и царь могъ найти подходящаго „*тищика*“; возможно, что нашлись даже спасшія послѣ Перваго Лжедмитрія *части* ¹⁾ показанія Михаила Нагого, достаточно передающія главное, что царевича *зарѣзали*. О подписи Михаила Нагого, необходимой въ показаніи, которой, *что очень важно, нѣтъ* на дошедшихъ до насъ листкахъ, не думали, или думали, что о ней не вспомнятъ, такъ какъ въ это время дѣятели, болѣе или менѣе знакомые съ дѣломъ, сходили уже со сцены, а для другихъ, для толпы, достаточно было главнаго смысла допроса, а до такихъ подробныхъ формальностей не доберутся! И вотъ, можетъ быть при Шуйскомъ,—новая редакція слѣдственнаго дѣла, вѣроятно уже послѣдняя, дошедшая и до насъ въ *такомъ видѣ*, т. е. безъ подписи Михаила Нагого въ показаніи, а это очень существенно: можетъ быть показаніе *не принадлежитъ* дѣйствительно ему, и этотъ Нагой за *своею подписью* далъ въ свое время *иное показаніе*, а Шуйской или другой кто измѣнилъ его въ своихъ интересахъ. При этомъ, показаніе Михаила Нагого, какъ дошло до насъ, не пишется *по обычной формѣ*, принятой раньше, что „Шуйскій съ товарищи велѣли поставить и распрашивали“, *нѣтъ* тако-го предисловія, а показаніе Михаила Нагого, такъ сказать, пишется въ *протоколѣ* слѣдователей, въ слѣдъ за *ихъ* изложеніемъ. Для чего это?

¹⁾ На первомъ листѣ есть слѣды вырванныхъ частей склейки.

Если, стало быть, показаніе Михаила Нагого могло быть инымъ, чѣмъ находящееся въ дѣлѣ, то нельзя-ли предположить, что и показаніе Григорья Нагого было подтасовано. Въ *печатномъ* спискѣ слѣдственнаго дѣла (въ „Собр. госуд. грам. и догов.“, стр. 105) *послѣ* показанія Григорья Нагого идетъ рукоприкладство. Въ подлинникѣ-же есть одна особенность: въ концѣ этого показанія послѣ послѣднихъ словъ: „*царевича Дмитрія зарѣзали*“, тотчасъ же идетъ подпись не Григорья Нагого, а подпись: „*Къ сѣмъ рѣчемъ отецъ духовной Григорья Нагого Царе Константиновской попѣ Богданъ руку приложилъ*“. Потомъ уже *на оборотѣ* того же листа идутъ подписи: „*Къ сѣмъ рѣчемъ Григорій¹⁾ руку приложилъ*“ и подпись архимандрита Фѳодорита. Можно думать, что Григорій Нагой отказался подписать свой допросъ, *какъ невѣрный*; тогда примѣнили обычный способъ: заставили вмѣсто его подписаться отца духовнаго, а для вѣдшаго закрѣпленія допроса пригласили еще подписаться архимандрита Фѳодорита—также духовное лицо, на совѣсть которыхъ въ то время полагались и вѣрили обществу и правительству. Рукоприкладство-же на оборотѣ послѣ показанія Григорья Нагого: „*Къ семъ рѣчамъ Григорей руку приложилъ*“, кромѣ того, по нашему мнѣнію, *не принадлежитъ* Григорью Нагому. Сравнивая эту подпись и подпись Григорья Тулубѣва (стр. 114 въ „Собраніи“), нельзя не видѣть, что онѣ близко подходят другъ къ другу, почти *тождественны*, при томъ у послѣдняго слова первой подписи „*ложилъ*“ не хватаетъ дѣлаго слога „*при*“, а слово „*ложилъ*“ такъ близко пригнано къ краю склейки, что впереди его унисать эту приставку нѣтъ мѣста, самые слоги „*ложилъ*“ написаны блѣднѣе и болѣе мелкимъ почеркомъ; все это заставляеть видѣть въ подписи *поддѣлку*, а съ нею вмѣстѣ и *вѣроятность* самого показанія Григорья Нагого въ томъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ, считать сомнительной.

Такимъ образомъ, *достоверность* двухъ такихъ важныхъ показаній, какъ *Михаила и Григорья Нагихъ*, сомнительна. Если вспомнимъ отношенія бояръ къ Шуйскому по его воцареніи, подозрительность его къ нимъ, ихъ недовѣріе къ нему, то нельзя-ли предположить, что причиной этого обоюднаго недовѣрія могло быть лукавое поведеніе Шуйскаго во время веденія слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія, недовѣріе схожее съ тѣмъ, которое ранѣе по тому же дѣлу предъ-являлось къ Годунову. Если Шуйскій, сведенный съ плахи Лжедмитріемъ, спасенный имъ отъ смерти, вѣроломнымъ обманомъ заплатилъ своему избавителю, то съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что и ранѣе при слѣдствіи о царевичѣ Дмитріи онъ также *обманулъ* Годунова, скрывъ отъ него истину, происшедшую въ Угличѣ. Оставляя въ сторонѣ показанія Григорія и Михаила Нагихъ, дѣйствительное присутствіе которыхъ въ дѣлѣ сомнительно, мы должны сознаться, что за ис-

¹⁾ Только одно имя, *безъ фамиліи*, тогда какъ въ показаніи другого Нагого (Андрей), болѣе благоприятномъ для слѣдователей, подписано имя и фамилія (стр. 9).

ключеніемъ ихъ, остаются только, какъ наглядно можно видѣть изъ печатаемаго алфавитнаго указателя, въ связи съ завѣщаніемъ А. А. Нагого, *пристрасныя* показанія, что „царевичъ игралъ въ тычку и накололся самъ“, по сущности своей *мало правдоподобныя*. *Что-же* въ такомъ случаѣ могъ скрыть Шуйскій отъ Годунова?—Именно то, что рассказывалъ самъ Лжедмитрій о своей судьбѣ, что его спрятали, что вмѣсто него былъ убитъ другой, похожій мальчикъ, что Нагіе бунтомъ доводили происшедшее. Это скрытіе было выгодно для Василія Ивановича Шуйскаго: во-первыхъ заслужить благодарность Годунова выдуманномъ утвержденіемъ, что царевичъ убитъ самъ и тѣмъ освободить Бориса отъ подозрѣній народныхъ, что царевичъ *зарѣзанъ по приказу* послѣдняго; утвержденіе-же Шуйскаго выводами слѣдствія, что царевичъ убитъ *хотя-бы даже и не Нагими*, все равно едва ли бы искоренило подозрѣніе въ народѣ противъ Бориса, разъ слухъ уже появился, это утвержденіе могло наоборотъ усилить подозрѣніе и возбудить противъ Шуйскаго, какъ главнаго слѣдователя, даваша своимъ обыскомъ пищу народной „молвкѣ“, немилость Годунова. Во-вторыхъ, скрытіе было для Шуйскаго выгодно и въ томъ случаѣ, еслибъ впоследствии восторжествовали Нагіе и царствовать сталъ-бы спасенный ими царевичъ; тогда Шуйскій могъ-бы ждать отъ нихъ благодарности за то, что въ свое время не огласилъ ихъ продѣлки, всѣмъ-же другимъ съ гордостью могъ отозваться, что спасалъ *законнаго* наслѣдника престола. Можетъ быть, и позднѣйшее спасеніе Шуйскаго отъ плахи при Лжедмитріи послѣдовало, благодаря заступничеству Нагихъ, заплатившихъ тѣмъ дань за ловкое поведеніе ихъ бывшаго слѣдователя. Кромѣ этихъ двухъ сторонъ, обусловленныхъ дѣйствительными выгодами, что, конечно, было на первомъ планѣ, Шуйскому представлялась въ мечтахъ, какъ потомку Рюрика и близкому родственнику знаменитаго защитою Пскова И. П. Шуйскаго, при утаеніи замысла Нагихъ и та далекая надежда, что впоследствии сбылась на дѣлѣ, именно—достиженіе царской власти; но объ этомъ онъ-бы не могъ думать, еслибъ раскрылъ въ слѣдствіи намѣренія Нагихъ о подмѣнѣ младенца въ Угличѣ: Годуновъ *заблагоразумно*, противъ могущихъ смуть, принялъ-бы надежація мѣры, а тогда Шуйскому *менше* всего можно было-бы рассчитывать на престоль, на который онъ могъ надѣяться только въ случаѣ *разныхъ осложненій* въ положеніи правящихъ лицъ, осложненій, при которыхъ онъ могъ-бы выказать тонкое пониманіе государственныхъ дѣлъ, тѣмъ выдвинуться и, въ связи съ своимъ происхожденіемъ, пробить дорогу къ трону; въ характерѣ же Шуйскаго *менше* всего было стремленій спасти кого-либо и вообще идти прямымъ путемъ.

Московский Летописецъ, на который ссылается Карамзинъ, оставилъ намъ свидѣтельство, что другой участникъ слѣдствія объ убіеніи царевича Дмитрія Андрей Лушъ-Клешнинъ, *приближенный къ Годунову человекъ*, по приѣздѣ въ Угличъ, „приступивъ къ гробу, увидѣвъ сіе Ангельское мирное лицо (царевича), *затрепеталъ, оцѣпенѣлъ*, стоялъ непод-

вижно, обливаясь слезами, не могъ произнести ни единого слова“ (Карамзинъ т. X, стр. 80). Конечно, *не удержаніе-же* совѣсти, едва-ли допустимое въ такомъ человѣкѣ, какъ Клешнинъ, слѣдуетъ видѣть въ состояніи его у гроба, а скорѣе слѣды неожиданности, испуга: *оцѣпенитіе* случается большею частію тогда, когда видятъ внезапно что-либо страшное, противоположное составившемуся представленію. Клешнинъ ѣхалъ и *зналъ, что* долженъ онъ увидѣть въ Угличѣ убиеннаго царевича, привыкъ къ этой мысли въ дорогѣ, слѣдовательно, *подлинное тѣло* царевича не должно было его поразить столь неожиданно. Онъ увидѣлъ вѣроятно то, о чемъ не было имъ составлено понятія раньше, т. е. обманъ или подлогъ одного младенца другимъ. Ловкій царедворецъ сразу представилъ то страшное будущее, которое могло произойти вполнѣдствіи отъ этого подмѣна съ многими: съ Годуновымъ, съ нимъ, Клешнинымъ, и съ другими близкими лицами: вотъ скорѣе *дѣйствительная* причина его испуга.

Не служить-ли еще новымъ доказательствомъ обмана-подмѣна со стороны Нагихъ и то обстоятельство, что тѣло царевичево по убіеніи *торопились* поставить въ церковь, о чемъ въ дѣлѣ есть свидѣтельства Фодорита и игумена Саватія, правда, свидѣтельства мелочныя, на которыхъ быть можетъ слѣдователи не обратили вниманія, но которыхъ благодаря тому и остались въ дѣлѣ: „какъ пріѣхали они (игумены) въ городъ (сцуся можетъ быть часть по убіеніи), а царевичево тѣло *уже* въ Спасѣ (въ храмѣ) лежить“ (стр. 109 и 110 въ печ. „Собраніи“). Карамзинъ (т. X, стр. 78) говоритъ даже, *что во время* умерщвленія *третьяго* убіицы царевича Осипа Волохова въ церкви Спаса стоялъ уже *гробъ* Дмитріевъ (такъ быстро приготовленный?). Весьма подозрительно также, что царица Марья, сбѣжавъ на дворъ, почала бить Василису Волохову *полномъ* (стр. 107 въ „Собраніи“). Откуда взялось оно, почему царица пустила въ ходъ его? Какъ вещь тяжелая, удобная для побоевъ только въ рукахъ сильныхъ, оно едва-ли нужно была царицѣ для этой цѣли. Но для прикрытія задуманнаго дѣла, происходившаго *въ то-же время*—подмѣна, оно могло для стороннихъ служить хорошимъ придуманнымъ выраженіемъ должнаго испуга и растерянности, напоминающимъ диверсію ея брата Михаила Нагого надъ убитыми людьми въ Угличѣ. Зачѣмъ, какъ увидимъ далѣе, такое смиреніе въ царицѣ гордой? Если допустить, что сына ея убили, то въ *такой* *женщинѣ*, женѣ *Грознаго*, и безъ того недовольной ссылкой въ Угличъ, скорѣе должно явиться сознаніе, что *ее обидѣли*, что она должна взывать къ Царю о мщеніи, о справедливомъ разборѣ дѣла; мы же видимъ совсѣмъ иное, что она *черезъ митрополита* Галасія челобитничаетъ передъ государемъ со смиреніемъ, голосомъ *виноватой*. Очевидно, не изъ боязни за себя и родныхъ унижается она: отъ Годунова врядъ-ли она могла ждать снисхожденія, если его не существовало, когда былъ *живъ* ея сынъ, будущій наслѣдникъ престола. Что-нибудь *другое* заставляло ее такъ дѣйствовать.

Образъ дѣйствій убитаго дьяка Битяговскаго также даетъ нѣкоторыя данныя для сужденія о скрытїи Нагими царевича. Въ день 15 мая онъ (по словамъ подьячихъ Десятого съ товарищами, стр. 117), по обычаю, какъ всегда, занимается въ дьячьей избѣ, уѣзжаетъ отсюда въ 5 ч., т. е. *всего за часъ до убійства*; обѣдаетъ дома и по набату (со словъ сытника Моховикова, стр. 111) прибѣгаетъ къ царевичеву двору; ворота заперты, а когда Моховиковъ ихъ отпираетъ, то во дворѣ оказывается *толпа* посадскихъ и всякихъ другихъ людей, приготовленная слѣдовательно Нагими заблаговременно и скрытая за воротами. Битяговскій (по показанію конюха Григорьева, стр. 166), попавъ на дворъ, побѣждалъ навѣрхъ— „чаялъ того, что царевичъ навѣрхъ“. Если бы онъ былъ замѣшанъ въ заговоръ на жизнь ребенка, то, какъ знавшій планъ, онъ скорѣе всего послѣдовалъ бы на мѣсто, гдѣ убійство совершилось. Онъ же торопится попасть навѣрхъ, какъ бы прослѣдить, что тамъ дѣлаютъ Нагіе. Угличскіе разсыльщики въ своей челобитной (стр. 118) оставили намъ свидѣтельство, что Битяговскій въ рукахъ толпы передъ смертію кричалъ, что Нагіе добываютъ вѣдуновъ, чтобъ испортить государя и государыню. Человѣкъ, въ преддверїи часа смертнаго не утверждаетъ, что царевичъ накололся самъ или что его зарѣзали, а шлетъ упреки Нагимъ, которыхъ онъ считаетъ виновниками. Возможно, что Битяговскій въ предсмертномъ своемъ крикѣ дѣлалъ и другія раскрытія, но оглашеніе ихъ, вѣроятно, не соответствовало намѣреніямъ слѣдователей.

Женочку уродливую (стр. 104), приходившую во дворецъ для потѣхи съ царевичемъ и, слѣдовательно, кое-что знавшую изъ его жизни, *царица велитъ убить спустя два дня послѣ смерти ребенка*, очевидно опасаясь ея показаній. Посадскихъ Саву плотника съ товарищами и еще 6 человѣкъ (стр. 119) Михайла Нагой приказываетъ лишить жизни за то, что они разговаривали о всѣхъ убитыхъ раньше „за посмѣхъ“, т. е. не за дѣло, высказываясь такимъ образомъ, что за происшедшее въ Угличѣ событие тѣхъ убивать бы не слѣдовало. Если бы убійство *подлиннаго* царевича было произведено, можно ли бы было ждать такихъ „разговоровъ“? Болѣе двухъ десятковъ поваровъ, помясовъ, истошниковъ и другихъ рабочихъ людей (давшихъ показанія) находилось во дворцѣ во время убїенія ребенка. Неужели, если бы убійство подлиннаго царевича произошло вблизи ихъ, они не бросились бы на помощь царевичу или по слѣдамъ убійцы, которыхъ въ сравненіи съ ними было немного (3 или 4)? Ничего подобнаго въ ихъ допросахъ не слышится, всѣ они говорятъ, что царевичъ накололся, а они, какъ жившіе во дворцѣ, скорѣе должны считаться лицами, благоприятными Нагимъ, слѣдовательно и ихъ показанія должны соответствовать интересамъ послѣднихъ.

Не говорятъ-ли всѣ эти разбросанныя тутъ и тамъ обстоятельства, что *сами* Нагіе желали замѣть дѣло, не изъ боязни за свою судьбу—они знали, что помилованія *имъ* отъ Годунова ждать нечего,—а для *того*, чтобъ подъ личиною смиренія *скрыть обманъ*, который былъ ими задуманъ, а можетъ быть *выполненъ даже и гораздо ранѣе*—взятіемъ чу-